

ЭССЕ В. Б. ШКЛОВСКОГО «НАТУРЩИКИ ПРОТЕСТУЮТ»: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ

Козлов А. Е.

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация. Эссе В. Б. Шкловского «Натурщики протестуют» (1828) рассматривается в оптике монтажа и коллажности. Соответствуя принципам графического единства, текст эссе представляет собой соединение во многом отстоящих друг от друга литературных теорий. В статье показаны «валентности» этих теорий, намеченных литературоведом тезисно, но не развернутых в целостное последовательное высказывание (проблема границы в художественном тексте, отношения автора и героя, вопрос миметического восприятия, проблема прототипов). Многократно отмеченная исследователями монтажность композиции и фрагментарность теоретических работ Шкловского, наряду с их нарочито эклектической небрежностью, создают эффект «гиперкомпенсации»: хаотически разбросанные по тексту идеи в дальнейшем оформлялись в содержательное целое, как в работах самого автора (например, в его биографическом исследовании Л. Н. Толстого), так и за пределами творчества Шкловского.

Исходя из принципов структурного анализа текста, сформулированных Р. Бартом в его монографии «S/Z», каждый элемент высказывания автора рассматривается отдельно (в статье каждое предложение (всего – 13) пронумеровано). К этим элементам приводятся лингвистические (особенности рема-тематического членения текста, специфика структурных связей ССП) и историко-литературные комментарии (приводятся пояснения, связанные с беллетристикой 60-х годов XIX века: воспоминаниями И. И. Панаева, повестью Н. Д. Ахшарумова «Натурщица», и современным автору контекстом: мемуары Л. Дегтярева, повесть Вс. Иванова «Гибель Железной», памфлетные романы В. Каверина и К. Вагинова, а также прототипы в «Белой гвардии» М. А. Булгакова). Отмечается вхождение в идиостиль Шкловского «чужого слова» «натурщик» и специфика его бытования в связи с концепцией «литературы факта». Отталкиваясь от полемики реальной критики второй половины XIX века, Шкловский не только проецирует современные сюжеты на отстоящие по времени и идеологическому контексту, но и уравнивает их, добывая тем самым парадоксального соответствия. Отдельное внимание уделено личностному переживанию, стоящему за анализируемой конструкцией.

В конце статьи выдвинута гипотеза о типологической связи эссе со статьей «Памятник научной ошибке». В приложении приведены таблицы, позволяющие схематизировать некоторые тезисы анализируемого текста.

Ключевые слова: модернизм; авангард; беллетристика; русские писатели; литературные жанры; эссе; литературное творчество.

V. B. SHKLOVSKY'S ESSAY "THE PROTEST OF MODELS": COMMENTS TO THE TOPIC

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract. Essay V. B. Shklovsky "The Protest of Models" is considered in the optics of installation and collage. Corresponding to the principles of graphic unity, the text of the essay is a combination of literary theories that are largely separated from each other. The article shows the "valences" of these theories (there are border between reality and fiction, dialogue between Author and Hero, problems of prototype and other), which the author outlined thesis, but not deployed into a coherent consistent statement.

Due to the principles of structural analysis of the text formulated by R. Barthes in his monograph "S/Z", each element of the author's statement is considered separately (in the article, each of 13 sentences is numbered). These elements are attributed to linguistic (features of the reма-thematic division of the text, the specifics of the struc-

tural links) and historical and literary comments (explanations related to fiction of the 60th of XIX century are given: memoirs of Ivan Panaev, Nicolay Akhsharumov's story "The Model" and the contemporary author's context: the memoirs of Leonid Degtyarev, the novel by Vsevolod Ivanov "The Death of Iron Division", pamphlet novels by Veniamin Kaverin and Konstantin Vaginov, as well as prototypes in the "White Guard" by Mikhail Bulgakov). It is noted that Shklovsky's "alien word" "model" is included in the idiosyncrasy and the specifics of his existence in connection with the concept of "fact literature". Based on the polemics of real criticism of the second half of the 19th century, Shklovsky represents equalizes between different ideological context, thereby achieving a paradoxical correspondence. Special attention is paid to the personal experience behind the analyzed structure.

At the end of the article, a hypothesis is put forward on the typological connection of the essay with the article "Monument to a Scientific Error". The appendix contains tables, where an attempt makes to schematize some theses of the analyzed text.

Key words: modernism; avant-garde; fiction; Russian writers; literary genres; essay; literary work.

Для цитирования: Козлов, А. Е. Эссе В. Б. Шкловского «Натурщики протестуют»: опыт комментария / А. Е. Козлов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 150–158. – DOI: 10.26170/FK20-02-13.

For citation: Kozlov, A. E. (2020). V. B. Shklovsky's Essay "The Protest of Models": Comments to the Topic. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 150–158. DOI: 10.26170/FK20-02-13.

Благодарности: исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00353. Создание международного научно-информационного портала «Автограф. XX век».

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-18-00353 "Autograph. XX century".

В литературно-критическом и публицистическом наследии В. Б. Шкловского его эссе «Натурщики протестуют», приближающееся по формату к газетной заметке, нельзя назвать прецедентным и привлекающим внимание исследователей. Второй по счету среди вошедших в «Китовые мели и фарватеры», состоящий всего из четырех абзацев, этот текст, отзываясь на две крайности современности – биографизм и памфлетность – давал обсуждаемой проблеме неожиданный и парадоксальный ракурс. Со свойственной ему афористичностью Шкловский писал о том же, о чем и его современники М. М. Бахтин и П. Н. Медведев: его текст затрагивал один из сокровенных вопросов теории литературы и был связан с пониманием границы художественного произведения, отделяющей мир эмпирических возможностей от мира фикционального, и отношениями автора и героя [Бахтин 2000]. Однако в отличие от своих современников, движущихся в осмыслении этой границы от философии художественного текста к онтологии, Шкловский, в свойственной ему манере отказываясь от последовательной раз-

вертки тезисов, синтезировал возможности научного, публицистического и отчасти идеологического дискурсов¹. В связи с этим особое значение приобретает анализ отдельных паттернов такого текста, каждый из которых, как мы попытаемся далее показать, содержит в свернутом виде самостоятельные и часто автономные исследовательские сюжеты [Барт 1994].

1. Натурщики протестуют².

Заглавие эссе – сильная позиция авторского высказывания. Как и в других текстах Шкловского, оно демонстрирует нарочитый уход от академизма («К вопросу о...», «Об одном из...») и носит лозунговый характер. Однако вместо восклицательного («Не могу молчать!», «Very Dangerous!») или вопросительного знака (Не начало ли перемены?), «Когда же придет настоящий день?»), должно выразить экспрессию говорящего, заголовок подчеркивает, что сообщаемое носит характер констатации, а не призыва, или же проблемного вопроса («Искусство как прием» и пр.).

¹ Текст цитируется по: [Шкловский 2018]. Учитываются комментарии, представленные в двух изданиях [Шкловский 1990; Шкловский 2018].

² В. К. Каверин назвал это «скрещиванием науки и литературы» [Тодес, Чудакова 2019].

Дальнейшая развертка высказанного тезиса, традиционно для Шкловского, осуществляется по принципу рема-тематического ветвления (с частым игнорированием темы).

2. Беллетристика умных не удовлетворяется этим. 3. Она движется в сторону опубликования материала, она переключается на новую сторону, и вот начинается спор автора и натурщика.

Используя характерную инверсию (не «умная беллетристика», а «беллетристика умных»), Шкловский смещает «центр тяжести» с выбора автора к выбору литературы, тенденции или тренду. Заметим, что в третьем предложении анализируемого текста, при грамматической связности (бессоюзное и сложносочиненное предложения в составе целого), семантическая связность, скорее, нарушена. Если беллетристика движется в сторону опубликования материала (материал понимается как совокупность данных эмпирической действительности), она претендует на объективность, что должно исключать субъектный спор между автором как создателем текста и его «натурщиком» как прототипом. Такое противоречие отчасти снимается примером, к которому обращается критик.

4. Когда-то петрашевец Ахшарумов, которого Добролюбов считал соперником Достоевского, когда-то Ахшарумов написал роман «Натурщица». 5. В этом романе выдуманная женщина судом протестует против судьбы, которую ей приписал автор.

Как мы писали ранее, в максимально лаконичном тексте оказываются «спрессованы» две фамилии и стоящие за ними литературные истории. Во-первых, здесь упоминается Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823–1910), бывший идейным фурьеристом и представший в числе других политических заговорщиков на Семеновском плацу. Пере-

жив гражданскую казнь на эшафоте и ссылку, в конце жизни он напишет воспоминания, неоднократно переиздаваемые в Советском союзе под названием «Записки петрашевца». Во-вторых, брат Дмитрия Дмитриевича, Николай Дмитриевич (1820–1893), интеллектуал и затворник, также арестованный по делу петрашевцев, но в скором времени отпущенный по «малости вины». Именно Николай Ахшарумов был назван Добролюбовым «соперником Достоевского» в статье «Забитые люди»¹. Впрочем, это сравнение носило скорее пародийный характер [Козлов 2018].

Среди малых и больших произведений Ахшарумова, начавшего свой творческий путь с произведений «Двойник» (1850) и «Игрок» (1858), безусловно, усиливших сюжет соперничества в культурной памяти, особенно выделяется его повесть «Натурщица» (1866). Опубликованная в один год с «Преступлением и наказанием» она вызвала на себя огонь радикальной критики журнала «Современник»², тем не менее, не стала прецедентом и впоследствии практически не цитировалась. Несмотря на то, что текст повести был переиздан в современной орфографии, он так и не вошел в научный оборот, хотя представленная в нем конфигурация автора и героев заслуживает пристального изучения.

Сюжет произведения соответствует логике текста в тексте, поэтому сравнительно небольшое количество действующих лиц осложняется характерологическими дублетами в духе романтической эстетики. Так, в роли искusstителя молодой вдовы предстает неслужащий губернский секретарь³, беллетрист и сотрудник радикального издания Федор Данилович Чуйкин. Чуйкин обладает привычной авторской властью: он может вычеркивать в фикциональном мире своей героини непонравившихся или бесполезных героев (ее мужа, детей). В соответствии с идиостилем

¹ «Роман г. Достоевского очень недурен, до того недурен, что едва ли не его только и читали с удовольствием, чуть ли не о нем только и говорили с полной похвалою... Явился было ему **соперник** в «Чужом имени» г. Ахшарумова, но со второй же части, говорят, обнаружилась в этом романе такая неблагоприятная пошлость во вкусе романов Полевого, что читатели бросили роман недочитанным» (Добролюбов. Забитые люди // Современник. 1861. № 9. С. 102).

² Я говорю теперь, что «Натурщица» г. Ахшарумова несколько не ниже, а напротив выше романа г. Достоевского... Все это чепуха и галиматья, но чепуха и галиматья не кровавадная, как у г. Достоевского, а добродушная, безобидная, веселая, игровая (Елисеев. Русская литература. Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 43).

³ Чин полностью соответствует гражданскому статусу самого Ахшарумова.

Ахшарумова героиню создаваемого Чуйкиным романа называют натурщицей¹.

Данная конфигурация осложняется юридическими обертонами во второй части повести. «Протестуя против судьбы», которую ей приписал автор, Алищева действительно обращается в суд, и, пройдя несколько инстанций, ее дело становится предметом специального разбирательства. Сталкивая во время прения сторон позиции сторонников «типической правды» и «правды эстетической», Ахшарумов демонстрирует убедительную победу героини, по решению суда освобождающейся или эмансипирующейся от деспотической воли автора. Однако в конце произведения Чуйкин отвечает дерзким отказом, ставя под сомнение не только правомерность выносимого приговора, но и право «выдуманного суда», «не существующего в действительности», осуществлять какие-либо юридические функции. Таким образом, корректируя концепцию Н. Г. Чернышевского и параллельно с экспериментами Ф. М. Достоевского, Ахшарумов демонстрировал умозрительность границы, отделяющей автора от создаваемого им мира.

В центре внимания Шкловского, как можно увидеть, не сюжет, а сюжетная ситуация, названная в оригинальном тексте «первым в истории творчества бунтом». Обстоятельства, заставившие Шкловского обратиться к литературному наследию Ахшарумова, требуют дальнейших разысканий. Можно констатировать, что работая над книгой «О теории прозы», он просматривал письма Толстого, в одном из которых, как раз в связи с оценкой Ахшарумова, обсуждался вопрос

об условности какого-либо прототипа. В любом случае, кроме Шкловского над эволюцией художественного метода Ахшарумова рассуждал и Б. М. Эйхенбаум. К специфическому значению этой параллели мы в последующем обратимся.

6. Выдуманные люди оживали в старой беллетристике, жили семьями и производили друг друга. 7. Онегин родил Печорина, Печорин родил Тамарина, и так далее, и так далее.

Отказавшись от дальнейшего развития начатой ранее линии, Шкловский обращается к обобщению. В представленной здесь условной генеалогии, существующей между профанируемыми семейным романом и сакральным дискурсом [Калинин 2006], можно видеть своеобразную альтернативу теории литературной эволюции². Если предложение 6 связано с продуктивными моделями, определяющими появление «литературных личностей» (образцов, порождающих устойчивые социальные типы), предложение 7 ограничивается описанием литературы в пределах литературности.

Как известно, Тамарин, ставший Онегиным во втором колене, является знаком постепенного вырождения литературного типа, неслучайно вслед за именем героя следуют красноречивые *и так далее, и так далее*, заменяющие многоточие. Шкловский как историк литературы, скорее всего, знал, что произведение Авдеева отнюдь не способствовало закреплению социальной модели, а наоборот разрушало две существующие: онегинскую и печоринскую³.

¹ «В один из таких беспутных дней Федор Данилыч после хорошей выпивки бросил своих приятелей раньше обыкновенного и на вопрос: куда? отвечал, что, мол, надо зайти к **натурщицам**. Под **натурщицами** он разумел не то, что в собственном смысле разумют под этим словом художники, а просто – дамское общество. Он имел небольшой круг знакомых, в котором его, как писателя с именем, баловали страшно и который, кроме обыкновенного развлечения представлял для него и другой интерес, как рассадник типов и как поле, удобное для специального изучения жизни на разных живых образцах (Ахшарумов Н. Натурщица. Юридическая фикция // Отечественные записки. 1866. Т. 164. С. 550). Шкловский заимствует этот окказионализм, делая его смысловым центром собственного высказывания.

² Отметим практически прямое цитирование Н. Г. Чернышевского: «Онегин сменился Печориным, Печорин – Бельтовым и Рудиным. Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника» (Чернышевский. Стихотворения Н. Огарёва // Современник. 1856. № 9. С. 70). В дальнейшем этот мотив получает развитие в статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина», который, в свою очередь, также не упоминает Тамарина.

³ Тип «мечтателя», «бывшего парикмахера» комиссара Плешко из «Гибели Железной» Вс. Иванова создавал подобную нейтрализацию типажа Левинсона. По справедливому замечанию Е. А. Папковой, «Как бы полемизируя с Фадеевым, Иванов наделяет своего центрального героя практически всеми качествами, присущими „никчемному“ Мечкину: постоянными сомнениями, склонностью к самоанализу, мечтой о любви, отвращением перед кровью и насилием, – но при этом не делает его ни эгоистом, ни предателем» [Папкова 2012: 131].

Заметим, что каждое из этих предложений актуализирует принципиально разные литературные теории [Ханзен-Леве 2001; Эрлих 1996; Светликова 2005; Фещенко 2009], способом сопряжения которых становится графическое и синтаксическое единство.

Второй абзац эссе посвящен современной литературной ситуации. Здесь речь идет о возрождении памфлетного романа.

8. Сейчас беллетристы крадут человеческие судьбы, и натурщики уже живые, уже с фамилиями протестуют, – они говорят, что именованные числа нельзя ни делить, ни складывать. 9. Дегтярев протестует против Всеволода Иванова, который использовал мемуары для своей «Гибели Железной». 10. Мемуарист чувствует себя автором, а не инертным материалом.

Ставя в один ряд «натурщика с фамилией» и «именованное число», Шкловский возвращает читателя к вопросу о прототипах. В его интерпретации вольное обращение с материалом «жизни» эквивалентно краже, провоцирующей бунт в эмпирической действительности. Именно здесь обретается имплицитная связь двух абзацев, организуемая темпоральными характеристиками «когда-то» (т. е. в 60-е годы XIX века) и «сейчас» (20-е годы текущего столетия).

Напомним, что Л. Дегтярев, бывший начальником политотдела 58-й стрелковой дивизии, в очерке, опубликованном в журнале «Пролетарская революция», описал участие вверенного ему отряда в гражданской войне на Украине. Вышедшая спустя четыре года повесть Иванова, полемически заимствующая эпизоды воспоминаний и буквально воспроизводящая описанные в нем события, вызвала споры, направленные на дискредитацию личности писателя, попеременно обвиняемого как в плагиате, так и в «ложном направлении» [Папкова 2012; Папкова 2015]. Лишенный какого-либо литературного образования, Дегтярев писал свои воспоминания по горячим следам. Во многом такое письмо соответствовало концепции «литературы факта» [Steiner 1984; Капинос 2015; Калинин 2018], в то время как обработка этого сырого материала и распределение его в фабуле художественного текста ее нарушали.

В предложении 10 эта интенция приобретает наибольшую отчетливость. Отметим комизм возникающей параллели: Дегтярев, участник и «творец» собственной жизни, ставший автором-мемуаристом, парадоксальным образом отождествлялся с Еленой Алищевой – буржуазной и восторженной читательницей, ставшей «рабыней» деспотического автора. Разумеется, если бы любой из этих сюжетов получил дальнейшее развитие, текст Шкловского от полемического приобрел бы характер опасной инвективы. Смысловый обрыв соответствует графическому – завершению абзаца.

11. Сюжетное оформление перестало являться признаком авторства и свойством, таинственно превращающим нечто в искусство. 12. Писатели, начавшие безматериально, люди типа Каверина и Вагинова, перешли к памфлетным мемуарным романам.

Сюжетное, т. е. авторское распределение событий, отождествлено здесь с творчеством как романтическим актом преобразования действительности. Шкловский рассматривает сюжетное оформление как прием, меняющий свое функциональное значение с течением времени [Emerson 2005; Пильщиков, Устинов 2018]. Имплицитная темпоральность (заключенная в глаголе «перестало») актуализирует намеченные ранее историко-литературные аналогии.

Вновь проводимую параллель между беллетристической шестидесятих годов XIX века и современной литературой нельзя назвать окказионально-авторской. Аналогичную позицию транслировали и другие формалисты, например, Юрий Тынянов в своей характеристике промежутка исходил из возникающих тождеств в истории литературы [Steiner 1984; Курганов 1998]. Подобным образом в своих дневниках писал Б. М. Эйхенбаум, проводя параллель между Ахшарумовым как автором «авантюрных» и «памфлетных» романов и Кавериним:

Я думал о том, что повторяются в новом виде 60-е годы. Тенденциозная, «идеологическая» беллетристика, с одной стороны («пролетарская»), а с другой – Тынянов, как Толстой, Веня <Каверин. – А. К.> – вроде Ахшарумова – от авантюрного романа («Чужое имя»)

к памфлетному – «Мудреное дело» [Эйхенбаум 2001: 202].

Здесь выскажем гипотезу о том, что романы типа «Скандалиста», или же «Козлиной песни» были подсказаны не только духом времени, но и культурными практиками прошедшей эпохи. Напомним, что в открывающем «Китовые мели и фарватеры» тексте, констатируя неизбежную смерть романа как художественного жанра («роман существует, но как свет угасшей звезды»), Шкловский писал:

Панаева со своими воспоминаниями читается лучше, чем романы Шолохова, несмотря на то, что к книгам Панаевой не прилагаются никакие премии. Писателя воскресают заново, и происходят изумительные вещи, когда на рынке полное собрание сочинений Панаева, вышедшее давно, стоит дешевле, чем его воспоминания, которые можно прочесть в том же собрании сочинений. Когда воспоминания Григоровича идут хорошо, хотя и изданы дорого, а собрания сочинений Григоровича – груз для букиниста¹. Умиравший роман опытен [Шкловский 2018: 643].

Заметим, что Шкловский парадоксально уравнивает «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, получившие славу «литературы скандалов» и «Воспоминания» А. Я. Панаевой, текста столь же резонансного, но относящегося к более позднему периоду. Отчасти это объясняется издательской деятельностью К. Чуковского, переиздавшего в современной орфографии в Academia воспоминания Панаевых, Н. В. Успенского, Д. В. Григоровича и А. М. Скабичевского [Чуковский 1934]. Серия этих воспоминаний, как показало время, не переживших своих создателей, выдвигается Шкловским на первый план.

Убедительное объяснение такому несколько искусственному выдвигению приводят М. О. Чудакова, Е. Тодес и Вяч. Вс. Иванов [Чудакова, Тодес 2019; Иванов 2003]. Шкловский, сам ставший в 20-е годы XX века персонажем

благодаря «Белой гвардии» и «Скандалисту», личностно переживает спор о прототипах в «Гибели Железной». Фактически за поднимаемым вопросом скрывается личная обида и личное недоверие критика-натурщика к литературе [Borislavov 2011; Левченко 2012].

13. Они делают ошибку, потому что нельзя пририсовывать птичьи ноги к лошади, – птичьи ноги можно пририсовывать только к дракону, потому что дракона не существует.

Заключительное предложение, составляющее отдельный абзац, ставит под сомнение авангардистские эксперименты и искусство зауми. В сущности, наряду с «правдой типической» возникает имплицитная оппозиция «правды художественной». Однако, упоминая Толстого, в следующем очерке Шкловский как автор «Матерьяла и стиля в романе Льва Толстого „Война и мир“» должен был понимать, что, как правило, обе эти правды, или стороны художественного творчества, существуют неразрывно и взаимообусловлены.

Таким образом, «Натурщики протестуют» – как и большинство эссе Шкловского, представляет собой, скорее, валентности литературной теории, нарочито редуцированной в четырех неполных абзацах цельного текста [Ханзен Леве 2001]. Многократно отмеченная исследователями монтажность композиции и фрагментарность теоретических работ Шкловского [Чудаков 1990; Дмитриев, Устинов 2002; Разумова 2003; Emerson 2005; Пильщиков, Устинов 2018,], наряду с их нарочито эклектической небрежностью [Разумова 2003], создавали эффект, который справедливо называть «гиперкомпенсацией»: хаотически разбросанные по тексту идеи могли в дальнейшем оформиться в содержательное целое, как в работах самого автора (например, в его биографии Л. Н. Толстого), так и за ее пределами [Калинин 2018].

Наиболее парадоксальным в рассмотренном случае становится вхождение в язык Шкловского как сильного автора и силь-

¹ В качестве параллели укажем на хрестоматийный эпизод из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «– Панаев, – вежливо ответил тот. Гражданка записала эту фамилию и подняла вопросительный взор на Бегемота. – Скабичевский, – пропищал тот, почему-то указывая на свой примус. Софья Павловна записала и это и пододвинула книгу посетителям, чтобы они расписались в ней. Коровьев против Панаева написал «Скабичевский», а Бегемот против Скабичевского написал «Панаев» (Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1989. С. 325). Такая мена носит не только карнавалный характер: оба мемуариста вошли в историю литературы благодаря своей претензии стать ее летописцами. Однако в этом описании оба оказывались в власти «партийных» искажений.

ной же языковой личности чужого и предельно окказионального слова «натурщик» и его применение к «мемуаристу» – самоучке Дегтяреву. Личностное переживание себя как «критика-натурщика», спрятанное за этим спором, на наш взгляд, во многом проясняет общую прагматику высказывания.

Другая сторона вопроса – место эссе в идеологических практиках эпохи. «Натурщики

протестуют», как и весь микроцикл «Китовой мели», предвосхищает, на наш взгляд, ту покающую интонацию, которая через два года прозвучит в «Памятнике научной ошибке». С этой позиции в рассмотренном тексте прослеживается не только попытка найти тождество в уходящей и наступающей литературной эпохах, но и отстраняющий прогноз на будущее.

Литература

- Барт, Р. S / Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова и В. П. Мурат. – М.: Ad Marginem, 1994. – 232 с.
- Бахтин, М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Academia, 2000. – 300 с.
- Дмитриев, А. «Академизм» как проблема отечественного литературоведения XX века (историко-филологические беседы) / А. Дмитриев, Д. Устинов // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 1. – С. 217–240.
- Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Т. 2: Статьи о русской литературе. – 880 с.
- Калинин, И. Виктор Шкловский: «под русской революцией есть и моя подпись» / И. Калинин // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – Т. 1: Революция. – С. 11–19.
- Калинин, И. История литературы как Familienroman (русский формализм между Эдипом и Гамлетом) / И. Калинин // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 4.
- Капинос, Е. В. «Литература» и «Факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) / Е. В. Капинос // Сюжетология и сюжетография. – 2016. – № 2. – С. 138–165.
- Козлов, А. Е. Автор и герой в эстетической действительности повести Н.Д. Ахшарумова «Натурщица» / А. Е. Козлов // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 107–118.
- Курганов, Е. «Был у вас Арзамас, был у нас ОПОЯЗ» / Е. Курганов // Rev. Des Etudes Slaves. – 1998. – Vol. 70. – P. 567–574.
- Левченко, Я. С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии / Я. С. Левченко. – М., 2012. – 304 с.
- Лурье, Я. С. Примечания / Я. С. Лурье, В. В. Гудкова, А. А. Нинов // Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов / вступ. ст., сост. и общ. ред. А. А. Нинова; подгот. текстов и примеч. Я. С. Лурье, В. В. Гудковой, А. А. Нинова. – Л.: Искусство, 1989. – С. 507–586.
- Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 784 с.
- Папкова, Е. А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова 1920-х гг. / Е. А. Папкова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 17–26.
- Папкова, Е. А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции / Е. А. Папкова. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. – 622 с.
- Пильщиков, И. Виктор Шкловский, Роман Якобсон и создание «первой теории сюжетосложения» / И. Пильщиков, А. Устинов // Сюжетология и сюжетография. – 2018. – № 2. – С. 5–24. – DOI: 10.25205/2410-7883-2018-2-5-24.
- Разумова, И. Путь формалистов к художественной прозе / И. Разумова // Вопросы литературы. – 2003. – № 3. – С. 131–150.
- Светликова, И. Ю. Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа / И. Ю. Светликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 163 с.
- Тодес, Е. Прототипы одного романа / Е. Тодес, М. Чудакова // Тодес Е. Избранные труды по русской литературе и филологии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 204–220.
- Устинов, Д. Материалы диспута «Марксизм и формальный метод 6 марта 1927 года» / Д. Устинов // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50. – С. 247–278.
- Фещенко, В. Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве / В. Фещенко. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 390 с.
- Ханзен-Лево, О. А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / О. А. Ханзен-Лево. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 670 с.
- Чудаков, А. П. Два первых десятилетия / А. П. Чудаков // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 3–32.
- Чудакова, М. О. М. Булгаков и опоязовская критика / М. О. Чудакова // Тынъяновский сборник. – Рига, 1988. – С. 231–235.
- Чудакова, М. О. Некоторые проблемы источниковедения и рецепции пьес Булгакова о гражданской войне / М. О. Чудакова // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сборник статей / сост. А. А. Нинов; науч. ред. В. В. Гудкова. – М.: СТД РСФСР, 1998. – С. 57–95.
- Чуковский, К. И. Люди и книги шестидесятих годов / К. И. Чуковский. – Л.: Изд-во писателей, 1934. – 310 с.
- Шкловский, В. Б. Гамбургский счет / В. Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

- Шкловский, В. Б. Собрание сочинений : в 2 т. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – Т. 1: Революция. – 1032 с.
- Эйхенбаум, Б. М. Мой временник. Маршрут в бессмертие / Б. М. Эйхенбаум. – М. : Аграф, 2001. – 384 с.
- Эрлих, В. Русский формализм: История и теория / В. Эрлих. – СПб. : Академический проект, 1996. – 350 с.
- Borislavov, R. Viktor Shklovskii – Between Art and Life: Ph. D. dissertation / Borislavov, R. – Chicago, Illinois: The University of Chicago, 2011. – 334 p.
- Emerson, C. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost' (How Distance Serves an Aesthetics of Arousal Differently from an Aesthetics Based on Pain) / C. Emerson // Poetics Today. – 2005. – Vol 26 (4). – P. 637–664.
- Steiner, P. Russian Formalism: A Metapoetics / P. Steiner. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984. – 278 p.

References

- Bakhtin, M. M. (2000). *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the hero. To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg, Academia. 300 p.
- Bart, R (1994). *S / Z: Bal'zakovskii tekst: opyt prochteniya* [S / Z: Balzac text: reading experience]. Moscow, Ad Marginem. 232 p.
- Borislavov, R. (2011). *Viktor Shklovskii – Between Art and Life*. Ph. D. dissertation. Chicago, Illinois, The University of Chicago. 334 p.
- Chudakov, A. P. (1990). Dva pervykh desyatiletiiya [The first two decades]. In Shklovsky, V. B. *Gamburgskii schet*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 3–32.
- Chudakova, M. O. (1988). M. Bulgakov i opozovskaya kritika [Bulgakov and Opoyaz criticism]. In Tynyanovskii sbornik. Riga, pp. 231–235.
- Chudakova, M. O. (1998). Nekotorye problemy istochnikovedeniya i retseptsii p'es Bulgakova o grazhdanskoi voine [Some problems of source study and reception of Bulgakov's plays about the Civil War]. In Gudkov, V. V. (Ed.). *M. A. Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: sbornik statei*. Moscow, STD RSFSR, pp. 57–95.
- Chukovskiy, K. I. (1934). *Lyudi i knigi shestidesyatykh godov* [Society and books of the sixties]. Leningrad, Izd-vo pisatelei. 310 p.
- Dmitriev, A., Ustinov, D. (2002). «Akademizm» kak problema otechestvennogo literaturovedeniya XX veka (istoriko-filologicheskie besedy) [“Academism” as a problem of Russian twentieth century literary scholarship: historical-philological conversations]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 53, pp. 217–240.
- Eikhenbaum, B. M. (2001). *Moi vremennik. Marshrut v bessmertie* [My temporary. The route to immortality]. Moscow, Agraf. 384 p.
- Emerson, C. (2005). Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost' (How Distance Serves an Aesthetics of Arousal Differently from an Aesthetics Based on Pain). In *Poetics Today*. Vol 26 (4), pp. 637–664.
- Erlikh, V. (1996). *Russkii formalizm: Istoriya i teoriya* [Russian formalism: history and theory]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 350 p.
- Feshchenko, V. (2009). *Laboratoriya logosa. Yazykovi eksperiment v avangardnom tvorchestve* [The laboratory of logos: the language experiment in avant-garde art]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 380 p.
- Hansen-Löve, A. (2001). *Russkii formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism: a methodological reconstruction of its development based on the principle of defamiliarization]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 670 p.
- Ivanov, Vyach. Vs (2003). *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Collected works on semiotics and history of culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 2. Stat'i o russkoi literature. 880 p.
- Kalinin, I. (2006). Istoriya literatury kak Familienroman (russkii formalizm mezhdru Edipom i Gamletom) [Literary history as familienroman: Russian formalism between Oedipus and Hamlet]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 80, pp. 64–83.
- Kalinin, I. (2018). Viktor Shklovskii: «pod russkoi revolyutsiei est' i moy podpis» [Victor Shklovsky: “There Is Also My Signature under the Russian Revolution”]. In Shklovsky, V. B. *Sobranie sochinenii, in 2 vols.*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1: Revolyutsiya, pp. 11–19.
- Kapinos, E. V. (2016). «Literatura» i «Fakt» v novosibirskom zhurnale «Nastoyashchee» (1928–1930) [Literature and fact in the Novosibirsk literary magazine “The Present” (1928–1930)]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 2, pp. 138–165.
- Kozlov, A. E. (2018). Avtor i geroi v esteticheskoi deistvitel'nosti povesti N. D. Akhsharumova «Naturshchitsa» [The author and the hero in the aesthetic reality of the novel “Model” by N. D. Akhsharumov]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 107–118.
- Kurganov, E. (1998). «Byl u nas OPOYaZ, byl u nas OPOYaZ» [“So You Had Arzamas, and We Got Opoyaz”]. In *Revue des études slaves*. No. 3, pp. 567–574.
- Levchenko, Ya. S. (2012). *Drugaya nauka: Russkie formalisty v poiskakh biografii* [Another science: Russian formalists in search of a biography]. Moscow. 304 p.
- Lurie, Ya. S., Gudkova, V. V., Ninov, A. A. (1989). Primechaniya [Comments]. In Bulgakov, M. A. *P'esy 1920-kh godov*. Leningrad, Iskusstvo, pp. 507–586.
- Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov: materials of biography and creativity]. (2010). Moscow, IMLI RAN. 784 p.
- Papkova, E. A (2012). *Kniga Vsevoloda Ivanova «Tainoe tainykh»: Na perekrestke sovetskoi ideologii i natsional'noi traditsii* [Vsevolod Ivanov's book “Taynoye tainykh”: at the crossroads of Soviet ideology and national tradition]. Moscow, IMLI RAN. 622 p.

Papkova, E. A. (2015). *Sibirskie istochniki prozy Vs. Ivanova 1920-kh gg.* [The Siberian sources of V. Ivanov's prose of the early 1920s.]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 17–26.

Pilshchikov, I., Ustinov, A. (2018). Viktor Shklovskii, Roman Jakobson i sozдание «pervoi teorii syuzhetoslozheniya» [Viktor Shklovsky, Roman Jakobson and the Creation of The “First Theory of Plot Structuring”]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 2, pp. 5–24.

Razumova, I. A. (2003). Put' formalistov k khudozhestvennoi proze [Formalist way to the fiction prose]. In *Voprosy literatury*. No 3, pp. 131–150.

Shklovsky, V. B. (1990). *Gamburgskii schet* [Hamburg account]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 544 p.

Shklovsky, V. B. (2018). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works, in 2 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1: Revolyutsiya. 1032 p.

Steiner, P. (1984). *Russian Formalism: A Meta-poetics*. Ithaca, NY, Cornell University Press. 278 p.

Svetlikova, I. Yu. (2005). *Istoki russkogo formalizma: Traditsiya psikhologizma i formal'naya shkola* [Genesis of Russian formalism. Tradition of psychologies and formalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 163 p.

Todes, E., Chudakova, M. (2019). Prototipy odnogo romana [Prototypes of the one Novel]. In Todes, E. *Izbrannyye trudy po russkoi literature i filologii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 204–220.

Ustinov, D. (2001). Materialy disputa «Marksizm i formal'nyi metod 6 marta 1927 goda» [The proceedings of the March 6 1927 dispute 'Marxism and the Formal Method']. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 50, pp. 247–278.

Приложение 1. Конфигурация авторов и героев в повести «Натурщица»

Когда-то петрашевец Ахшарумов, которого Добролюбов считал соперником Достоевского, когда-то Ахшарумов написал роман «Натурщица». В этом романе выдуманная женщина судом протестует против судьбы, которую ей приписал автор.			
Персонажи «реального мира»	Функция, социальная роль	Персонажи «романа» Чуйкина	Примечание
Елена Григорьевна Алищева	Натурщица, «эмансипированная» героиня, истица	-	Героиня становится «натурщицей», существуя в «реальности» и в «романе»
Василий Иванович Алищев	Муж Алищевой	-	Герои «не переходят» в мир романа, умирают / вычеркнуты из сюжета Чуйкиным
Вася Алищев	Сын Алищевой	-	
Федор Данилович Чуйкин-1	Неслужащий губернский секретарь, писатель, ответчик в суде	Брагин, кандидат Ермолаев	У героя есть «подставное» лицо, литературный двойник
Федор Данилович Чуйкин-2			В конце произведения герой как автор романа заявляет о своей неограниченной воле, в пределы которой входит не только судьба Алищевой, но и все события, описанные в произведении (металепсис)

Приложение 2. Генеалогии литературных типов и тупики эволюции

Хрестоматийный образ			
Онегин родил Печорина, Печорин родил Тамирина, и так далее, и так далее...	Денди	Нигилист	Революционер
Адаптация образа (новый тип для русской литературы)	Онегин	Базаров	Левинсон
Варьирование существующего образа	Печорин	Волохов	Евсюков
Предел эволюции (вырождение пародийного персонажа, «нейтрализация» подражаний)	Тамарин	Горданов	Плешко

Данные об авторе

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент Института филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru.

Author's information

Kozlov Alexey Evgenievich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Philology, Mass Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).